

В КРУГУ ДРУЗЕЙ ВСЕГДА ОДИН...

ЧТО В СУМАСШЕСТВИИ ПРИЯТНО?

КУДИНА ЛИЯ

18+

Лия Кудина

Что в сумасшествии приятно?

«Автор»

2021

Кудина Л. А.

Что в сумасшествии приятно? / Л. А. Кудина — «Автор», 2021

Антонина больна шизофренией. Но как и почему эта болезнь завоевала ее разум, она даже не догадывается. Потому что вокруг нее самые близкие родственники скрывают важные тайны и плетут интриги, в результате которых ее жизнь и их судьбы оказываются сломленными. Книга основана на реальных событиях.

© Кудина Л. А., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Вступление	5
I часть	6
II часть	12
III часть	15
IV часть	17
V часть	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Лия Кудина

Что в сумасшествии приятно?

Вступление

– Батюшка, грешна я, собственными руками новорожденного сына чуть не удушила. Как мне искупить такой страшный грех?

Священник, взглядываясь в омытое слезами лицо прихожанки, оторопел. Но увидя огромную очередь исповедующихся тихо, наклоняясь к уху женщины, произнес.

– Грешна ты, но по злему ли умыслу такое сотворила?

– Да, Батюшка, моя душа не выносила его бесконечный младенческий крик. Хотела, чтобы скорее замолчал. А как душила, не помню.

– Так значит ты – детоубийца?

– Нет, муж у меня из рук его вырвал, Слава Богу, ребенок жив. А я с этим грехом всю жизнь маюсь.

– Покайся и Бог простит.

Ожидающие исповеди нетерпеливо поглядывали на них, и у священника просто больше не было времени на раскаявшуюся грешницу.

I часть

Антонина Викторовна, а в простонародье- Тонька, не считала себя сумасшедшей, хотя и состояла на учете в психдиспансере по поводу шизофрении. Она, как ей думалось, была Богооставленной. И всю свою жизнь она пыталась исправить эту космическую несправедливость добрыми делами. Правда не всегда получалось. Частые уходы сознания непонятно куда, перекрывали все ее благие намерения, а грехов с каждым приступом все прибавлялось. Но она о них просто не помнила. Каждый раз приходя в себя на больничной койке стационара, она панически боялась задать себе один и тот же вопрос: "И что же я натворила в этот раз?" Выслушав близких о ее неадекватном поведении во время приступа она, иногда, просто не могла поверить в предъявленные ей обвинения. В детстве Тонечка была совершенно здоровым, без каких-либо отклонений ребенком, но что с ней произошло дальше, подсказывали лишь короткие вспышки памяти. Родилась девочка в начале 70-ых годов прошлого двадцатого столетия в интеллигентном семействе Лариных, правда, в небольшом и довольно-таки скучном городке. Люди передвигались по улицам только светлым днем, а чуть начинало темнеть, расходились по домам, запирая на все замки и засовы хлипкие входные двери. Семья проживала в небольшой двухкомнатной хрущевке с видом на школу, в которой на протяжении нескольких лет работала мама Тони- Татьяна Сергеевна. Она была преподавателем истории. Папа девочки – Виктор Яковлевич имел должность инженера на небольшом заводе, но в отличие от жены, работал только в положенное трудовым законодательством время. А вот Татьяна Сергеевна не представляла своего существования без работы. Она дневала и ночевала в любимой школе, ну а вместе с ней и единственная подрастающая дочь. Учительница не столько заботилась и любила своих учеников, как горела желанием доказать всем, что именно она настоящий профессионал в своем деле. С малых лет чувство первенства она начала прививать и любимой дочурке. "Ты должна – нет, просто обязана, быть умнее и образованнее этих неучей, на которых я трачу всю свою жизнь," – так каждый день наставляла мать свое чадо и девочка свято верила, что надо быть во всем и всегда первой. Она училась с утра до ночи, ожесточенно вгрызалась в гранит науки, поэтому и переходила из класса в класс круглой отличницей. Но неугомонная мамаша видела своего единственного отпрыска не только блестящим профессионалом, но и выдающейся творческой личностью. "Музыкальное образование в будущем Тонечке не помешает," – решила Татьяна Сергеевна. Правда при оформлении ребенка на обучение игры на фортепиано, совершенно забыла ее спросить: "А хочет ли она заниматься музыкой и есть ли у девочки хоть какие-то способности?" Музыкальный слух был, правда всего на процентов пятьдесят, а монотонная, ежедневная игра сюит, действовала на Тонечку как успокоительное. Все наполеоновские планы Татьяны Сергеевны постепенно претворялись в жизнь. И это ее

очень радовало. Ведь теперь можно было в телефонном разговоре похвастаться перед родственниками такой талантливой и неординарной дочерью.

"Моя Тонечка скоро школу закончит. С первого класса – лучшая ученица! Теперь ей престижный институт подыскиваем. А там аспирантура, глядишь и диссертация не за горами!" – это придавало Татьяне Сергеевне огромный вес не только в глазах всех ее знакомых, но самое главное в своих собственных. Ведь она стала примером для всех- лучшей мамой в этом захудалом северном городке.

Виктора Яковлевича-своего мужа, она к созвездию лучших родителей, не причисляла. Он почти не вникал в происходящее с дочерью, был очень тихим и замкнутым, и кроме телевизионных передач о животных, ничем не интересовался.

Школа была окончена с золотой медалью, -музыкальная-на отлично, и вдруг, стоя перед дальнейшим судьбоносным выбором, выпускница растерялась. Она всегда действовала по указке матери, а теперь надо было решать самой.

" С таким аттестатом можно поступить куда угодно, в экономический, юридический, даже в мединститут !" – наперебой советовали одноклассники.

Медалистка мало чего знала о работе врача, но то, что это самая престижная профессия, Тонечка знала точно и поэтому решила подавать документы именно в медицинский. В родном городке институты напрочь отсутствовали, потому неожиданно возникла проблема с переездом и поступлением. После телефонных переговоров с родственниками, лишь сестра по папиной линии- Фаина, пригласила свою разумную племянницу к ним в областной центр на проживание. Она всегда хотела иметь взрослую дочь, с которой можно было бы посплетничать, сходить вместе в кино или прогуляться по магазинам. А тут сама судьба преподнесла ей такой подарок .

У Фаины своих детей не было, а воспитывала она пасынка Бориса от ее мужа Федора Алексеевича. С первой минуты знакомства, а Борьке тогда исполнилось двенадцать лет, они друг друга возненавидели, но старались этого не показывать, так как материально полностью зависели от отца семейства. Борис был грубым, неотесанным, плохо воспитанным мужланом, выходки которого она терпела уже на протяжении восьми лет. Именно так Фая отзывалась о нем среди своих обеспеченных подружек. Но Тонечка об этом не знала, и с легким сердцем и мечтами о светлом будущем, поехала жить и учиться к тете. Борис, узнав о приезде, так называемой родственницы, да еще и медалистки, был взбешен. Он не хотел делить свое личное пространство в квартире, еще с какой-то неизвестной ему провинциальной студенткой. Учится он не хотел. Бросив проплаченный отцом институт, даже не задумываясь, чем бы хотел заниматься в дальнейшем. Папаша, под сыновьим нажимом, отмазал его от армии, имея высокий пост в Горисполкоме. И юный лоботряс прожигал свои молодые годы по ресторанам.

Антонина долго обдумывала, что с собой взять, отправляясь на проживание к родственникам. Главным для нее были книги и фортепиано, к которому она очень привыкла.

" Если сдам экзамены и поступлю в институт, то учебники мне выдадут

в библиотеке, – обдумывала Тоня свою предстоящую замечательную жизнь, – фортепиано я заберу попозже, когда обустроюсь."

И однажды, с небольшим чемоданом в руках Антонина появилась в квартире своей тети. Ей уже стукнуло семнадцать лет, она была высока и хороша собой. Особенно полуоткрытый взгляд темно-синих глаз с пушистыми длинными ресницами, который просто завораживал. Темно- каштановые волосы не были столь густы и длинны, но легкие природные волны всегда придавали ее прическе элегантный вид.

Несмотря на столь привлекательную внешность, в ее жизни еще так и не появился поклонник. Мальчишки ее уважали, с ней часто советовались, но дальше этого дело не шло. Ведь она была умнее всех, и никто на ее фоне не хотел выглядеть глупее.

Но Бориса факт всезнайства своей, так называемой родственницы, скорее раздражал, чем радовал. Ему очень хотелось, чтобы эта Тонька, не успев еще заселиться, поскорее съехала бы от них. Но показывать этого было нельзя, а план в голове по выселению этой дурехи, потихоньку начал формироваться.

– Привет, а ты даже лучше выглядишь, чем об этом говорила Фаина, – при встрече первым протянул руку Борис. Он называл свою мачеху просто по имени наравне с уборщицей Валею, которая раз в неделю приходила к ним в дом наводить порядок.

– Здравствуйте- вежливо ответила Тонечка

– Так ты к нам на долго или как?

– Вообще-то я приехала поступать в медицинский.

– Об этом твоя тетка нам с отцом уже все уши прожужжала. Я знаю, какая ты у нас умная и положительная, – с ехидцей в голосе закончил свое знакомство Борис и ушел в свою комнату.

– Тонечка, ты не переживай, он у нас не очень- то гостеприимный. Мы тебе выделили отдельную комнату, так что беспокоить тебя мой пасынок не будет, – с распростертыми объятиями встретила племянницу тетя.

Девушка виделась со своей родственницей давно. Когда-то они с папой останавливались у нее в гостях на несколько дней. Прошло много лет и в располневшей, поседевшей, но очень доброй и обаятельной женщине, уже было трудно узнать милую кареглазую молодую женщину, какой она осталась в ее детских воспоминаниях.

В чужом доме Тоня освоилась быстро. Она моментально нашла общий язык с Федором Алексеевичем, отцом семейства, стараясь ему не показываться на глаза. В противовес своему любимому брату тетя Фаина была очень общительной и компанейской, и любила устраивать праздники и веселые походы в гости. И Тоня теперь везде сопровождала свою любимую тетушку.

С Борисом она выбрала иную стратегию сосуществования.

Просто была корректна и немногословна.

Все ее мысли занимала учеба и еще раз учеба. Она очень боялась не оправдать надежд своих родителей, поэтому все время проводила то на лекциях, то на коллоквиумах, зануриваясь в учебники по медицине и совершенно забыв о музыке и любимом фортепиано. С однокурсниками отношения почему-то сразу не заладились, как и в школе. Первенство во всем и тут стало помехой для

нормальных дружеских отношений. И хотя на курсе парней было в два раза больше, чем девочек, она не приобрела себе избранника. Но это ей в жизни не мешало, так как все ее мысли и время занимала учеба.

Однажды вечером Фаина со своим мужем отправились в гости.

Борис несколько дней вообще не появлялся дома, (так случилось периодически) поэтому Тоня, как всегда до ночи, занималась конспектированием, а затем, решила принять ванну. Мурлыкая под нос любимую мелодию, она намыливала своё гладкое красивое тело, наслаждаясь теплом воды и приятным ароматом пены. Дверь была заперта, но вдруг чей-то сильный рывок ее распахнул и выдернутый от удара крючок, стремительно пролетев, упал прямо к ней в воду.

Инстинктивно Тонечка сжалась в в комок и не отводя широко открытых глаз от открывшегося проема, лихорадочно стала тянуть с вешалки висевшее банное полотенце, пытаясь прикрыть свою наготу. В распахнутых дверях с остекленевшим взглядом и дикой полуулыбкой на озверевшем лице, стоял Борис. Он молча вытянул мокрую, оцепеневшую от страха девушку из ванны, взвалил себе на плечо и понес в спальню родителей. Пока он ее нес, Тоня была в полуобморочном состоянии. Она не знала, что в такой ситуации нужно делать, ведь этого не было ни в одном учебнике, ни в одной книге, хотя она их прочитала тысячи. Жертва понимала, что насильник намного ее сильнее и в два удара сможет заставить замолчать навсегда. Она со страхом обдумывала происходящее, ведь впервые за полгода, прожитые в этом доме, видела Бориса в таком ненормальном состоянии. Опаснее всего было то, что он явно находился под дозой и абсолютно ничего не соображал, как будто какой-то страшный зверь влез в его тело и управлял им. Про наркотики она догадалась сразу же, увидев его расширившиеся зрачки, ведь будущие врачи не один раз обговаривали эту тему.

"Закричать?– вряд ли кто-то услышит и придет на помощь.– Ударить? А если он ответит и убьет?" -пока он нес онемевшее от ужаса тело, мысли в ее голове метались из стороны в сторону.

Больше всего ей хотелось в это мгновение проснуться, она не верила, что это происходит именно с ней и наяву.

Когда Борис завалил ее на просторную родительскую кровать, сознание стало избавляться от оцепенения, а мозг начал четко давать команды. Она начала яростно отбиваться от нападавшего, да так, как никогда в жизни ни с кем не дралась. Но зверь, которого разбудило яростное сопротивление девушки, вновь проснулся в Борисе, всей своей необузданной дикой мощью он обрушился на слабое и уставшее от борьбы тело. Схватив за волосы, стукнул ее головой о деревянное билье кровати, Тоня потеряла сознание и отключилась.

Фаина с мужем в этот вечер, как назло, задержались в гостях. Поздней ночью вернулись домой на такси прямо к подъезду с коробкой конфет, порадовать племянницу. Но когда нашли ее без сознания на своей кровати, голую и избитую, первой мыслью было срочно вызвать милицию. Федор Алексеевич, укутав в простыню почти бездыханное тело, перенес девушку в ее комнату, приказав жене проверить, все ли на месте в доме. Удостоверившись, что это не взлом и не ограбление,

супруги поняли, что насильником мог быть только их сын. Ведь ключи, от входной двери, были только у него. Мысли о вызове милиции и скорой тут же исчезли, надо было срочно что-то решать. И первая мысль, как обойтись без них, пришла в голову именно Фаине.

– Феденька, скорая сразу же сообщит в милицию, вон она вся избитая, да еще и без сознания. И по- моему, ей нет еще и восемнадцати. Если она заговорит... Это тюрьма сразу, знаешь для кого.

– Не каркай! И без тебя вижу, что урод натворил. Надо его спасать, да вот как, ума не приложу! Не забывай, он загремит под статью и нам с тобой конец. Партийного работника за сына наркомана, да еще и насильника, вмиг с работы выкинут. Все блага твои сразу исчезнут . И только тут в голове Фаины стало проясняться, что нелюбимого пасынка надо не топить, а спасать. Ведь теперь именно от этого зависит ее безбедное существование.

– А что делать с Тоней? Надо, наверное, ее матери позвонить?

– Не вздумай!!!

И тут, промелькнувшая в голове Фаины мысль, услужливо подсказала выход из страшной ситуации.

– А давай, Феденька, попросим твоего знакомого психиатра прийти и ей помочь, да так, чтобы она не вспомнила ничего, что с ней случилось.

Как ты думаешь? У нас получится?

– За такую помощь придется с ним потом всю жизнь расплачиваться. Но это лучше, чем обо мне будет весь город судачить. Иди. Звони психиатру. У меня в телефонной книжке его номер на букву П, там и имя с отчеством найдешь. Только ничего ему сразу не говори, просто попроси срочно приехать, скажи что мне плохо. А там разберемся.

Деньги для него не пахнут, я это точно знаю.

– Хорошо, Феденька. А что с Борей будем делать?

– Этого подлеца нужно срочно найти, пока в милицию не попал. Собери-ка его вещи! И документы не забудь. Когда его найду, сразу в самолет запихну и отправлю к брату. Витю попрошу его в рейс на корабль забрать, может хоть там ума наберется. Позвони сначала врачу, а потом междугородку закажи с Мурманском.

Фаина, собрав вещи пасынка в спортивную сумку, принялась ожесточенно накручивать диск телефона, прекрасно понимая, что посреди ночи, вряд ли будут рады ее звонку. А Федор Алексеевич занялся уборкой квартиры. Выдернув с кровати грязные в красных пятнах простыни, собрал их в мешок, вытер мокрой тряпкой небольшие лужицы крови на полу, спустил воду в ванной, аккуратно повесил брошенное на полу полотенце обратно на крючок. В доме уже ничего не напоминало о происшедшем.

Тоня пришла в себя от чьих-то прохладных поглаживаний по руке и тетиных причитаний.

– Вот ведь беды наделала. Не надо было ее одну оставлять.

Она лежала укутанная в незнакомый ей огромный халат, под толстым зимним одеялом, на своей кровати. Сильно болела голова, саднили синяки на руках и лице. Один глаз заплыл, а второй, почему-то не хотел открываться.

– Как вы себя чувствуете, Тонечка? Вы не волнуйтесь, все уже хорошо.

Вы просто подскользнулись в ванне и неудачно упали. Несколько дней пройдет и все заживет.

– Странный голос, он мне не знаком, но так успокаивает.

Мозг не хотел ни о чем ни думать, не искать ответы на всплывающие, как картинка, вопросы. Просто хотел спать. Ведь во сне было так уютно и так безопасно.

II часть

Своего сына Федор Алексеевич нашел быстро. Борис спал в туалете своего любимого ресторана, обняв грязный, замызганный рвотой унитаз. Он был в полной отключке. На лице несколько кровоподтеков от ударов, а новая рубашка оказалась разорванной в нескольких местах.

"Да, – про себя тяжело вздохнул отец. – Тут не нужно быть особым сыщиком, чтобы все детали соединить воедино. Как же его вывезти из города? И каким образом этого бездыханного здоровяка переправить к брату?"

Но выход нашелся сам по себе. Охранник ресторана, разыскивающий вместе с ним пропажу, взялся помочь, но естественно за хорошее вознаграждение. Он не только донес на себе и погрузил Бориса в машину, а потом и в самолет, но и посоветовал, как облегчить его состояние после явного передоза. Ведь с этим он сталкивался не впервые. Через час с небольшим, у трапа самолета в холодном морозном Мурманске, брата с племянником встречал Виктор. Он был вместе с Сергеем, своим судовым врачом, молодым парнем, явно знающим, как оживлять наркоманов. Погрузив, уже пришедшего в себя Бориса в машину, Виктор пообщался с Федором, стараясь не беспокоить его лишними разговорами о случившемся. Он просто не хотел ни о чем знать. Борька всегда был его любимцем, хотя и не видел он его давненько. Но на всю жизнь запомнил убитые горем глаза шестилетнего малыша у гроба своей матери. Именно тогда он дал клятву, всегда и во всем ему помогать. Вот и пришло время ее исполнить. Пока братья прощались, врач занялся осмотром пациента прямо в машине. Борис медленно приходил в себя, с трудом вороша белками глаз. До него вдруг дошло, что он что-то натворил, но как не старался, припомнить не мог. Почему-то отец, ни с того ни с сего, выдернул его из сытой, обеспеченной всеми благами жизни и засунул аж на крайний Север.

"Интересно, надолго ли его отправили в ссылку к дяде? Ну ничего, когда-то же весь этот кошмар закончится," – сам себя успокаивал парень, не подозревая, что для него все еще только начинается. Откинувшись на сиденье автомобиля, молча ждал решения своей судьбы. Он не понимал пока, за что его наказывают, но чувствовал, что на этот раз просто нотациями дело не ограничится. Братья обнялись и попрощались, ведь дальнейшая судьба сыночка-баловня уже была оговорена по телефону. Правда сам он об этом еще не знал, да и знать не хотел. Устроившись поудобнее Борис просто отключился. Очнулся он от страшного, для его больного мозга, шума. Что-то гроыхало и ревело за стеной комнаты, в которой он находился. Он лежал на кровати, руки были привязаны к железным перекладинам веревкой, а к горлу подступала дикая тошнота. Он дергал ногами, пытаясь руки выкрутить из оков, но безуспешно. Его качало из стороны в сторону, как в люльке, и только когда увидел иглу, воткнутую в его вену, промелькнула ужасная мысль.

– Капельница? Я в больнице? Неужели я умираю?

Его кидало то в изнуряющий жар, то в дичайший холод и он ощущал себя полностью выпотрошенным. И тогда он начал орать, громко и настойчиво.

– Помогите! Спасите! Мне плохо!

Из ниоткуда появился врач и первым делом сделал ему укол.

– Где я?– Борис пытался хоть что-то выяснить о своем местонахождении.

" Вы на корабле своего дяди. Я врач и пытаюсь облегчить состояние вашего организма после передозировки наркотиками. Сегодня утром мы вышли в море на шесть месяцев. Так что Вам, Борис, придется привыкать к условиям морской жизни. Через несколько дней Вам станет лучше и тогда начнете осваивать нелегкий труд моряка рыболовецкого судна."– Сергей проговорил весь текст медленно и четко, будто заранее заучил наизусть. И Борис вдруг понял. Это была не ссылка в областной городок, хоть и холодный, но с цивилизацией и друзьями, это своеобразная для него тюрьма! Только за что?

– Дядю, вызовите срочно сюда, дядю! – истошный крик переходил в истерику, паника овладевала сознанием.

– Он сейчас занят, как только освободится, он вас навестит. А пока, постарайтесь уснуть,– и врач исчез. Будто растворился.

" Это галики, простые наркоманские штучки, – успокаивал себя Борис.- Ведь я ничего плохого не сделал, чтобы оказаться в море. Хорошо хоть в море, а не в морге," -откуда-то появилась саркастическая мыслишка, будто кто-то ее подсказал.– Нужно сейчас от этого кошмара проснуться и тогда все встанет на свои места."

Но проснулся он через несколько дней. Руки уже не были связаны, дядя Витя стоял рядом и ждал, когда племянник очнется и будет готов к разговору. В измученном теле ощущалась разбитость, дикая усталость овладевала руками и ногами, язык еле- еле ворочался, но сознание пришло в себя и начало работать в обычном режиме.

– И за что меня сюда вы упекли с отцом?

– А ты разве не помнишь?

– Нет.

– Вообще-то я тебя хотел об этом расспросить. Твой отец сказал, если на корабль не заберу, дело для тебя может закончиться тюрьмой.

– За что? За то, что ширяюсь? Так у нас полгорода этим занимается.

Никто никого не сажит за это. Или папашка испугался, что на работе у него про меня узнают? Ответственный работник, а я наркоман? Так я с сынком его шефа вместе этим занимался. Или его тоже сослали?

– Хватит острить. Нагулялся, на баловался. Пора мужиком становиться, а не за отцовскую спину прятаться.

– В смысле? Мужиком – это моряком пахать? Вы насильно меня удерживать не имеете права. Я хоть и полгода, но в юридическом обучался, свои права хорошо знаю. Я надеюсь в данном случае, мой временный арест ограничиться только моим выздоровлением.

– Так ты надумал сбежать отсюда? Вплавь до берега? Рискни. А вдруг получится выжить?

Конфликт между родственниками заострялся. Виктор любым способом решил перевоспитать племянника, а тот, в свою очередь, решил ни в

чем дяде не уступать.

– Вообще, любимый племян, вердикт таков. Не приступишь к обучению и к работе – не получишь еды.

– Так меня еще и голодом здесь заморят! Ну не ожидал я такой наглости от тебя!

– Разговор закончен. Когда одумаешься, дай знать! – и Виктор вышел из лазарета, довольный тем, что последнее слово осталось за ним.

У Бориса совершенно отпало желание вступить в полемику со своим дядей. У него появились другие мысли и первая: «Где теперь он будет брать необходимые ему наркотики?» Дома все было легко и просто. Украл очередную драгоценную побрякушку у Фаины, отдал в ломбард и купил дозу у барыги. А где взять деньги в открытом море? На руке красовались золотые часы, подаренные отцом на двадцатилетие.

"Вот вопрос сам по себе и решился- подумал, Борис.– Теперь, главное найти, кто в этом тоже заинтересован. Начну с врача. Ведь наркотики у него должны быть обязательно. А если не согласиться, то украсть всегда можно, не в сейфе же он их хранит," – решение одно за одним молниеносно приходило в его голову.

Но одного не продумал Борис. Дверь лазарета всегда была заперта.

Каждый день, через закрывающийся небольшой проем, ему подавали чай, прозрачный бульон и хлеб. Через открытое окно его организм, еще не совсем прогнивший, лечил морской соленый воздух, поэтому несмотря на полуголодное состояние, Борис быстро шел на поправку.

Прошло несколько дней и в голове начали появляться совершенно иные мысли.

III часть

В это же время Тоня, после длительного многодневного сна, потихоньку приходила в себя. Единственными, кто прерывал ее отдых, был врач Иван Иванович и тетя Фаина. Седовласый в круглых, увеличивающих темно-карие зрачки очках, полный мужчина в белом халате вечно ей что-то колол, а тетя делала теплые примочки из бодяги. Поэтому, когда девушка окончательно пришла в себя, на теле не было ни синяков, ни кровоподтеков. В зеркале ванной комнаты, куда она еле-еле добрела, увидела сильно изменившееся, очень похудевшее, но в то же время похорошевшее, свое лицо. Она помнила практически все из своей жизни, кроме того, что с ней случилось в тот роковой день. Как будто взяли и вырезали этот эпизод из ее памяти.

– Тонечка, что же ты не крикнула, что проснулась? Я бы тебе помогла встать!– тетушка была тут как тут.

– А что со мной про-и-зо-шло?-еле протягивая слоги спросила Тоня.

– А ты сама-то хоть что-то помнишь?

– Нет! Ни-че-го!

– Мы были с Федором в гостях, а Борька к дяде в Мурманск днем раньше укатил в гости. Ты дома была одна, купалась. Видно голова закружилась, когда вылезала из ванны, поскользнулась и упала. А головой ударилась о край ванны и потеряла сознание. Хорошо, что мы рано вернулись, будто чувствовали, что горе тут. Прямо в ванной тебя раздетой и нашли. Федор, молодец, вытащил, укутал в простынь и перенес на кровать. А я быстренько вызвала врача. Он тебя осмотрел и сказал, что ничего жизни твоей не угрожает и до свадьбы все заживет, – Фаина старалась говорить медленно, но язык не слушался и поскорее выкладывал обманную версию.

– Как преподнесете, так и скушает, – обучал ее ранее психиатр.

– Главное– медленно и спокойно. Надо чтобы у нее появилась уверенность, что во всем виновата она, и только она. Вы ее в дом пустили, а она, неблагодарная, принесла вам кучу неприятностей . И его замысел сработал.

Тоне стало стыдно за случившееся и обозвав себя клушей, набравшей лишние килограммы для неудачного падения, начала перед тетей извиняться.

Фаина внутренне возликовала. Надо же, все получилось, как этот мозгоправ и обещал. Где-то в глубине души, именно в этот миг, появился стыд за гнусный обман, но он тут же улетучился, уступая место мысли, что во всей этой жуткой ситуации в выигрыше оказалась только одна она. Ненавистного ей пасынка больше рядом не будет – никогда! И мило улыбнувшись племяннице, ушла на кухню готовить ужин.

Дни пролетали за днями, месяц сменял следующий, и казалось, уже ничего не напоминало о том ужасном дне. Тоня вернулась к занятиям в университете, где деканат и ребята были очень встревожены ее долгим отсутствием. Но она быстро догнала своих одноклассников в учебе, и жизнь вошла в свою колею. Тетя прекрасно проводила время в гордом

одиночестве, изредка приглашая подруг на чай, а Федор Алексеевич старался ограничивать разговоры с Антониной, избегая воспоминаний на опасную тему. Пока она, эта тема, не нарисовалась сама по себе.

IV часть

Как– то вернувшись из универа, Тоня сообщила тете, что у нее сегодня началась сильнейшая тошнота прямо на занятиях, поэтому ей пришлось уйти с лекций. Фаина сначала не придала этому никакого значения, но увидев, как племянница, зажав рот, бежит в туалет, невольно встревожилась.

– Может что-то плохое съела в вашем буфете, может траванулась? – с надеждой в душе заглядывала в измученные глаза племянницы.

– Да у меня это продолжается уже несколько дней, – вытирая мокрым полотенцем лицо, пожаловалась Тоня.

Липкий страх подкатил прямо к горлу Фаины, вызвав страшное чувство тошноты и у нее.

" Я сейчас, наверно, прямо за ней в туалет побегу, " – подумала она с ужасом. – Не паниковать! Может, мы просто вместе отравились? Но тогда чем, и когда? – мысли пульсирующими ударами били в голову Фаи. – А вдруг она беременна от Борьки? – да, такого варианта развития

событий они с супругом даже не предполагали, ведь уже более трех месяцев прошло, и о случившемся все давно забыли. – Что же теперь делать? – Глядя в заплаканные глаза племянницы, тетя лихорадочно искала выход.

Но, как назло, никакая умная мысль в голову не приходила.

– Ты, видно, просто устала, переучилась. Вон зубришь-круглые сутки.

Ты, это- давай, денек – другой отдохни, а там посмотрим, – женщина от страха начала заикаться, чего раньше никогда за собой не замечала.

Она напоила свежим чаем с мелиссой племянницу и уложила ее отдыхать. А сама в это время, до прихода мужа, начала продумывать новый план.

Федор Алексеевич, узнав о предполагаемой беременности юной родственницы, был взбешен. Новый поворот событий пророчил ему в скором времени быть дедом, но он к этому был явно не готов. Мысль о Борькином отцовстве просто его раздавила. Он уже давно хотел внуков, но не таким же образом. Обхватив голову руками он тихим, но четким голосом, обвинял свою супругу.

– Все из-за твоей глупости и безделья. Дочку ей захотелось, родную душеньку! Получила, а вот теперь сама и выгребай.

– Да ты не волнуйся, Феденька. Я тут без тебя три часа сидела, все думала, перебирала в мозгах...

– Ну и до чего додумалась?

– Придумала. – Фаина перешла на шепот. – Давай сначала отведем ее к врачу.

– Это ты такой выход нашла? Что, к старости уже из ума начала выживать?

– Погоди. Ты же меня не дослушал. Сводим к врачу и если наши опасения оправдаются, то припишем беременность незнакомому нам ухажеру. Я уже подумала, как это сделать.

– Пока все верно. Продолжай дальше, – заинтересованно на жену посмотрел супруг.

– Все просто, Феденька. Я скажу, что один раз видела в окно, как

какой-то парень вечером ее домой провожал. Но постеснялась у нее узнать, кто этот молодой человек.

– Ты что, думаешь она не помнит, что все вечера дома сидела то с тобой, то одна? – разочарованно протянул Федор Алексеевич. – А я то думал, и правда, план у нее!

– Ну не можешь ты до конца выслушать! Она с ним встречалась в тот день, о котором совершенно ничего не помнит. Может тебе и мне она и не поверит, но нашей соседке Глаше – обязательно. А я, предварительно, с той поговорю и попрошу, чтобы она подтвердила, будто видела, что Тонька вдвоем с этим парнем в нашу квартиру заходила.

– А мы где были?

– Мы? В гостях. И она об этом заранее знала.

– И долго влюбленная парочка была в нашей квартире?

– Ну, сколько захочешь, столько Глашка и скажет. Только ты же понимаешь, ей за это придется заплатить. Да ей много и не надо. Бутылки две водки – за глаза. А врать за просто так, она точно не будет.

– Да, все понимаю. А как ты соседке эту ситуацию объяснишь?

– Да так и скажу. Мол, я Тоню неоднократно видела с этим молодым человеком, но она, в связи с травмой головы, о нем ничего не помнит. А беременна от него. Точка!

– Ну, план неплохой, да и выхода другого я не вижу. А если она начнет этого парня искать?

– Пусть ищет. Я лично, в сумерках из окна его лицо не разглядела. А соседка только спину его видела, когда они в нашу квартиру заходили.

– А мы ей так доверяли! – Федор Алексеевич громко возмутился, поверив в спонтанную версию жены, которая ему показалась очень правдоподобной.

– Вот видишь, как все просто. Уже и ты в это поверил. Тоже самое я скажу ее матери, когда ей позвоню после осмотра ее дочери у гинеколога, если при этом ее беременность подтвердится. Пусть им обоим будет стыдно. Тогда лишних вопросов у них больше возникать не будет.

– Ну ты... Голова! Молодец. Завтра же вези ее к врачу. А там посмотрим, что дальше с ней делать.

V часть

На осмотре в районной поликлинике беременность подтвердили. Выписали кучу бланков на сдачу анализов и узнав, что отец будущего ребенка не в курсе, посоветовали срочно ему сообщить радостную весть. Антонина вышла из кабинета с поникшей головой. Она пыталась представить себе хоть одно свидание, хоть один поцелуй или прикосновение мужчины, но память будто кто-то заблокировал. Она помнила себя только девственницей. А тут вдруг ребенок. И этими тревожными мыслями она поделилась с тетей Фаиной, которой доверяла безгранично.

"Знаешь, я не хотела тебя понапрасну волновать, но раз уже случилось такое горе, придется рассказать тебе всю правду." – и Фаина без всяких подробностей, а сухо и лаконично начала рассказывать о том, как не только она, но и соседка по площадке видела племянницу с незнакомым парнем. И даже спрашивала у нее, что за ухажер появился у Тони.

Девушка пыталась вникнуть в суть разговора, но внутренний голос упорно твердил: " У тебя никогда, никого не было!" И будущее появление ребенка казалось ей пока непонятной тайной.

Они шли с тетей после визита к врачу по весеннему парку, солнышко пригревало ярко-зеленую молодую травку, весело щебетали птицы. Вокруг было много людей, а особенно маленьких детей. Всем было светло на душе от этой замечательной картины, нарисованной природой. Всем, кроме Антонины. Она была в отчаянии.

– Как я теперь об этом родителям сообщу? И что по этому поводу скажет Федор Алексеевич? Благо Борьки в городе нет. Вот он бы уже поиздевался над ней. Ведь это позор! Но она и правда, не знает, кто отец ее ребенка.

" Да, попала в ситуацию, хоть сразу в петлю полезай," – из всех рассуждений именно эта случайная мысль пришла ей по вкусу.

Она подсознательно была рада этому ребенку, ведь всегда хотела иметь рядом братика или сестричку. Но ее мама, однажды, разоткровенничалась с ней и рассказала, что неудачный аборт сразу же после ее рождения, поставил крест на будущем деторождении. И они с ее мужем с этим просто смирились. Тетя Фаина рядом с ней шла молча. Она видела по отрешенному выражению лица, что племянница сейчас принимает важное для нее решение.

– Тонечка, может, пока не поздно, лучше аборт сделать? Меньше проблем будет и с родителями и с институтом. Тебе самой недавно 18 исполнилось, ты сама еще ребенок.

И вдруг к Антонине начали приходить решения проблемы одно за одним.

– Во –первых: поподробнее расспросит у соседки, как выглядел ее ухажер. Ведь тетя сказала, что она не одна видела ее с парнем. А может его нет в городе, вернется, найдет ее, а у них уже ребенок. Он обрадуется и они будут жить долго и счастливо, как в любимых ею итальянских фильмах.

– Во-вторых: даже если он уехал и не вернется, она может взять академку в институте, снять комнату, родить малыша и будет воспитывать его сама. Вон в фильме «Москва слезам не верит» героиня справилась же с подобной ситуацией, а она чем хуже. Главное – не делать аборт, – как заклинание твердила она сама себе, а там все образуется.

Все свои соображения она тут же выложила тете, от которых та, чуть не подавилась жареным пирожком, купленным по дороге в кулинарии. Она не предвидела, да и не хотела такого поворота событий, ее сильно пугали объяснения с мамой Тони. Но племянница твердо стояла на своем. Она проводила тетю в квартиру, а сама позвонила в звонок к соседке, которую никогда не видела и практически не знала. Дверь открыла

очень пожилая, с опухшим от пьянки лицом, женщина. Она уже успела обговорить с Фаиной дельце и получила за него задаток-бутылку водки, которую тут же со своим сожителем оприходовала. Тот крепко спал, а ее поднял неоднократный громкоголосый звонок. Открыв двери, Глафира, не сразу поняла, что за красивая деваха стоит перед ней. Они практически никогда не пересекались. Она уже открыла рот, чтобы послать ее куда подальше, но в пьяном мозгу прозвучало предупреждение и она вовремя его закрыла.

– А это соседка ко мне пожаловала, зачем я понадобилась?

– Мне сказала тетя, что вы меня видели с кавалером. А вы не помните, как он выглядел?

– Ну, лица я его точно не видела, вы с ним ключом двери квартиры открывали, ко мне спиной стояли. Я еще сначала подумала, что воры-взломщики пожаловали. Но ты ко мне повернулась и мило поздоровалась. А он, невоспитанный, в ответ просто что-то промычал. Ну и все. Зашли в квартиру, только я вас и видела. Я еще об этом Фаине рассказала на следующий день. Она, правда, за тебя вступилась. Мол, дело молодое. Ну раз так, то мне то что. – Соседка была явно измучена долгими разговорами – выяснениями, так как помнила, что они с Виталькой еще не все допили и торопилась на кухню, пока тот изверг не проснулся.

– А как он был одет? А какой день это был, или хотя бы месяц? А кто был дома кроме нас? – вопросы, задаваемые Тоней, сыпались один за одним на одурманенную алкоголем голову Глафиры и та закричала: " Да откуда я могу помнить, ведь больше трех месяцев прошло! Я же вам не справочное бюро, чтобы все помнить!" – и стала с усилием тянуть дверь на себя. Тоня не стала препятствовать. Ведь главное для себя она узнала. Это ребенок того парня, который был с ней. Сроки беременности только что были подтверждены. Значит- это было добровольное согласие с ее стороны. И с легким сердцем она пошла искать съемное жилье, уверяя себя в том, что отец будущего ребенка вернется и вот тогда она представит его родственникам. Они поженятся и все встанет на свои места.

Но жених не вернулся ни через неделю, ни через два месяца. И Антонина, набравшись храбрости, все же позвонила маме, так как понимала, что помощь может прийти только с ее стороны. Татьяна Сергеевна была не просто поражена внезапной исповедью дочери, а

скорее убита возникшей ситуацией. Она очень боялась огласки в небольшом городке и поэтому, оформив краткий отпуск за свой счет, взяла билет на поезд и мигом помчалась к дочери. Но первым делом она появилась в доме Фаины, требуя объяснений. Однако сестра ее мужа быстро захватила воинствующую инициативу в свои руки, обвинив свою племянницу во всех тяжких грехах. К тому же Антонина два месяца назад переехала в съемную квартиру, поэтому она ничего о ней не знала, да и знать не хотела. Ведь только теперь в ее доме наступил покой и порядок. Выслушав ее объяснения Татьяна Сергеевна поняла, что вынуждена будет смириться с такой ситуацией. Оставив вещи в квартире Федора Алексеевича, поспешила на встречу со своей непутевой дочерью, благо адрес племянница своей тетушке оставила.

Ей было не столько жаль Тонечку, как свои разбившиеся мечты о ее благополучии и богатом женихе. Но увидев похорошевшую счастливую дочь, с округлившимся животом, она вдруг все, приготовленные заранее обидные слова забыла, а просто подошла и обняла свою девочку. У Тони слезы из глаз хлынули ливнем, она пыталась что-то объяснить, рассказать, но получилось невнятно и непонятно. Они пили чай с морошковым вареньем и с вкусными ватрушками, приготовленными и переданными тетей Фаей, и обсуждали предстоящие роды и дальнейшую жизнь Тони с малышом.

– Ты академку взяла?

– Да, сразу же как только стало заметно.

– На УЗИ была? Говорят, это такой аппарат, что сразу определяет патологии ребенка и даже пол. Ты кого ждешь? Мальчика или девочку?

– Была, посылала гинеколог. Я ведь будущий врач, поэтому про ультразвуковое исследование все знаю. Патологий у ребенка не выявлено, а вот с полом пока не известно. Да мне все равно, лишь бы поскорее родить.

– А на какие деньги ты оплачиваешь квартиру?

– Мне повезло. Это квартира бабушки моего однокурсника – Коли. Она

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.